

1825 г. Оценка Державина, данная в письмах Дельвигу и Бестужеву, — окончательная. Без лишних слов, но и они полагают, что зачинателю реализма не к чему оглядываться назад: там нет корней, там не закладывались традиции, которые можно было бы продолжать...

Такова схема, созданная пушкиноведением. И она характеризует не только отношение к Державину. Она определяет все понимание проблемы преемственности, касающееся Пушкина-реалиста. Поэтому то же ограничение темы — до 1825 г. — относится и к темам «Пушкин и Батюшков», «Пушкин и Дмитриев» и др.

Справедлива ли эта схема? Нет, не справедлива! Не справедлива потому, что противоречит фактам. А факты свидетельствуют, что в 1825 г. Пушкин не выносил окончательного приговора Державину, он не опровергал его кумир, но требовал его настоящей, подлинно исторической оценки, оценки именно с позиций побеждающего реализма.

Письмо Дельвигу и Бестужеву 1825 г. не закрывали тему «Пушкин и Державин», но открывали новый и более высокий этап решения проблемы преемственности вообще и преемственности от Державина к Пушкину в частности.

В настоящей статье трудно, да и невозможно более или менее подробно изложить суть отношения Пушкина к Державину в зрелый период — в 30-е годы прежде всего. Потому я ограничусь лишь постановкой вопроса, подтвердив его некоторыми фактами. Систематическое и углубленное исследование этой темы — дело будущего, и надеюсь, близкого.

Вот несколько опорных фактов.

Болдинская осень 1830 г. Пушкин среди других работ много внимания уделяет критике. Сохранилось несколько незаконченных статей. В них, в частности, говорится о художественных достижениях «нашей словесности», причем, судя по примерам, «наша словесность» — это литература нового времени, начала XIX в. Вот что пишет Пушкин: «Наша словесность с гордостью может поставить перед Европой „Историю“ Карамзина, несколько од Державина, басен Крылова, пеан 12 года и несколько цветов северной элегической поэзии...».⁷

Это мнение устойчивое, его Пушкин повторяет в других статьях. Здесь важно, что Державин для Пушкина не поэт прошлого, не певец «Бога» и «Фелицы»; его несколько од —

⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 167.